

Николай Ольков

Чистая вода

Собрание сочинений. Том 8

Николай Ольков

**Чистая вода. Собрание
сочинений. Том 8**

«Издательские решения»

Ольков Н. М.

Чистая вода. Собрание сочинений. Том 8 / Н. М. Ольков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836275-0

Есть в русском народе правдоискатели, любому начальнику правду в глаза скажут. Но и сами себя ведут достойно. Таков мой герой Гриша — Чистая Вода. Но пришли перемены, все изменилось, и личная жизнь в прошлом благополучной семьи пошла кувырком. Честнейший человек, Григорий Андреевич этого перенести не мог...

ISBN 978-5-44-836275-0

© Ольков Н. М.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	17
5	20
6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Чистая вода
Собрание сочинений. Том 8
Николай Ольков

© Николай Ольков, 2017

ISBN 978-5-4483-6275-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Ещё с вечера захороводило, загуляли разные ветры – то южный полыхнет с остатками летнего зноя, то вдруг повернётся и закрутит сиверок с невесть откуда взявшейся прохладой, поднимают пыль, выметают улицы, ломают косматые ветки разнежившихся тополей, валят дощатые заборы. Августовский туман тяжело опустился на озеро, только ветер не дал ему отдыха, стал приподнимать от воды, рвал на куски и разбрасывал по окрестностям, заодно потревожил расположившихся на привычный ночлег заживших гусей, они тревожно подняли гордые головы на длинных шеях, словно всматриваясь в знакомые берега и ища у них объяснения. Природа разволновалась. Коровы, подкормленные и подоенные хозяйками, уже завалились на свои крутые бока и вынули лакомую свою жвачку, но зашевелились, тяжело переваливаясь, вставали и издавали протяжные жалобные мычания. Воробьи забились под крыши сараев и наохлились, скворцы загоняли свои выводки куда подальше от стихии, и только ласточка, взмыв высоко к небесам, щебетала что-то тревожное, то ли собирая семью, то ли просто предупреждая друзей.

Солнце уже село, и только верхний его фитилёк снисходительно освещал большое село, красиво разместившееся на взметнувшемся меж озёр языке нетронутого ранее чернозёма, выходящем из высокого взгорья и потерявшемся в буйных травах поймы широкой реки. Деревянные дома, покрытые шифером, образовывали солидные усадьбы с постройками для скота, банями и гаражами. Оставшиеся с колхозных времён несколько избышек только подчёркивали красоту и современность селения, в них доживали такие же ветхие старики и старухи, бывшие когда-то ударниками и стахановцами. Трёхполосный флаг на бывшем сельсовете, едва видимый в вечерних сумерках, такого напора ветра не выдержал и раскрылся на несколько лоскутков.

Одинокая машина ворвалась в улицу с большака, резко сбросила скорость и остановилась у сельской администрации. С правой стороны открылась дверца, молодой мужчина лет тридцати, с усами и портфелем, одетый в добротный чёрный костюм с галстуком, по-хозяйски вышел, глянул на флажок и крикнул водителю:

– Игорь, завтра с утра замени флаг. Хрен его знает, хоть железный вешай, на неделю не хватает.

– Понял, Роман Григорьевич, сделаем.

Роман Григорьевич открыл дверной замок своим ключом, включил свет в коридоре и ещё раз щёлкнул ключами в двери с табличкой «Глава сельской администрации Канаков Р. Г.». Он ещё не остыл после крупного разговора на совещании в районе. Обсуждали подготовку к выборам президента, глава района Треплев сам накануне вернулся из области и был настроен категорически:

– Такого позора, как в прошлый раз, мы допустить не можем, скажу больше: нам этого не простят. Тогда сняли двух глав, до меня очередь не дошла, на процент выше показатель. И мы освободились от некоторых товарищей, которые исподтишка смущали людей и допустили в урнах большой процент за коммунистов и прочих. Предупреждаю: такого быть не должно. Особо по тебе, Канаков. Папаша твой в коммунистических активистах, посади его дома, пусть кактусы растит, а с политикой и без него разберутся.

Роман усмехнулся воспоминаниям, даже улыбнулся: «Папашу дома посадить! Поди, попробуй, он так посадит, что до конца избирательной кампании чесаться будешь».

Выложив все бумаги на стол и спрятав портфель в шкаф, Роман пошёл домой. Он уже привык и не замечал, как толково и складно устроил все отец Григорий Андреевич, расселив детей вокруг своего родового гнезда, и теперь крестовой дом его был на бугре над всеми

тремя сыновьями домами, точно так, как и он сам все оставался старшим и главным в большом семействе.

Григорий Андреевич Канаков, бывший колхозный и совхозный механизатор, потом бригадир полеводческой бригады, был мужиком крепким и рослым, столь с виду суровым, что даже трактористы его опасались. Поговаривали, что в первые годы вся его воспитательная работа сводилась к хряскому удару по шее провинившегося, от чего тот падал, а отдышавшись, всячески бригадира избегал. Потом Канаков вступил в партию. Агитировали его долго, все не соглашался, но ходил в библиотеку и дома ночами читал толстые книги Маркса и Ленина, предупредив библиотечаршу, чтобы никому ни звука.

Да и внешне Канаков был мужик завидный, густая шевелюра темно-русых волос, крупные и правильные черты лица, прямой, не очень удобный взгляд серых глаз, видевший самые глубины человеческой натуры, и голос – властный, громкий и жёсткий.

А вот дома для жены своей Матрены Даниловны не было человека удобней и внимательней. Дрова, ровненько наколотые, всегда грудкой лежали в тёплых сених, две фляги воды для хозяйства всегда полны. Если надо муки в селеницу принести и ведро – сходит и принесёт, двухведёрную кастрюлю заквашенной капусты до слова вынесет на мороз. Во двор Матрена выходила только корову подоить да малышей накормить-напоить: телят, поросят, ягнят, да и птицу тоже.

Канаков гордился, что родился именно на этом месте, что после войны и гибели отца полтора десятка лет кантовалась семья в завалившемся дедовском ещё тереме, от которого уже не осталось украшений, и лестницу на второй этаж убрали ещё при коллективизации, чтобы не злить партактив. В шестидесятые, когда немного окрепли после войны, выписал передовой колхозник Канаков красного леса через колхоз и срубил крестовой дом, развалив родительские гнилушки.

Дом рубили артельно, помочами, когда собирались все родственники и товарищи, хозяин сразу распределял, кто чем будет заниматься, чтобы не толкались без дела и не мешали друг дружке, как случалось порой на колхозной работе, а каждый бы знал своего напарника или место в сторонке, если работа такая. Жену свою Матрёну с сестрами поставил бревна шкурить, какие ещё остались от каждодневной вечерней работы, эта работа несложная, под штыковой лопатой вся корка с сосны отскакивает. Четыре крепких мужика сочиняли обвязку, укладывали на чурки брёвна-окладники вполобхвата, вымеряли шнуром диагонали и дружно перемещали бревна, чтобы получился правильный угол. Ошибись они хоть на четверть – мука будет потом для строителей, и крышу не свести, как следует, тем более, что мужики уже видели под сараем несколько стопок шифера, а под него крыша должна быть как ельчик. И с полами-потолками потом замаешься, клинья вшивать – позорное дело для путного плотника. Не зря говорили: как бы не клин да не мох, так и плотник бы сдох.

А как окладники врубили, стали примерять бревна, Филипп Киприянович, авторитетный строитель, бегал с «чертой», такое чудное название у приспособы, а без неё не обойтись. Положили бревно на окладник, лес справный, ловко будет паз вырубать, вот и ведёт Филипп свою двупалую «черту», одним концом по верху окладник копирует, а второй черту проводит на верхнем бревне, да с обеих сторон. Ещё с утра Григорий Андреевич вместе с мастером пошире развели «черту», потому что паз надо вырубать широкий, чтобы стена была толще, не продувалась, не промерзала, в Сибири живём, не на югах. Вот по этой черте и рубят потом паз мужики, сперва поперёк насечки сделают, а потом садятся попарно на бревна, которые тоже на чурках, садятся в концах спиной друг к другу и пошли топорами хлестать. Топоры на круге точены, брусом правлены, волос положи – по обе стороны лезвия свалится. На такую работу самые толковые мужики садятся, потому паз получается, как корытце для холодца, как жёлоб – округлый, чистый, и не вдруг скажешь, что топором рублен. Сошлись спинами рубщики – слезят с бревна, расправляют спины, а другие уже подхватили и на место поставили.

Хозяин смотрит: как тут и было, спичку не всунуть, комар нос не подточит. Доволен: потом мох толстым слоем положим – красота!

В новый дом перетащили дедовскую ещё кровать, широкую, хоть вдоль, хоть поперёк ложись, два старинных сундука с носильным барахлом, огромное, в полстены, зеркало, местами облупившееся, но красивое, старинное, с точёными завитушками по всей раме. Столько годков прожили с Матрёной, вроде старались, а детишек все не было. Сестры Григория заговаривали, что порчена Матрена и потомства не даст, а если и случится, то непременно уродцы.

– Брось её, Гриша, не будет у тебя семьи.

– Знамо, не будет, порча на ней, да и не в девицах, поди, и взял-то.

– Цыть все, пока по мордам не получили! Про Матрёну худого слова чтоб больше не слышал. А ты, Евдинья, если сама до Проньки все бани спознала, по себе не мерий. Матрена со мной бабой стала, к тому же после свадьбы. Хотя какая там свадьба, так, одно названье. В аккурат с похоронами товарища Сталина совпало. Меня тогда чуть из партии не погнали, дескать, нашёл время для гулянки и услады, когда весь советский народ в великом горе. А я как-то и не подумал, что моя женитьба с политикой спутается.

А в новом доме каждые два года приносила Матрена по парню, да все такие здоровые, что кое-как выпрастывались из материной утробы. А она, Христовая, хоть бы крикнула раз, хоть состонала – верила, что для Гриши великая радость, и тем спасалась. Медичка прямо изумлялась, все бабы орут, мужиков матом кроют, клянутся и близко к этому делу не подпускать, а эта только шепчет, если прислушаться:

– Для тебя, родной мой и единственный, для тебя терплю завещанное Еве, все снесу, а деток у нас будет полный дом.

Трёх парней подряд, один в зыбке, другой на руках, а третий за подол держится. Сестры перестали дурить, на очередных крестинах Евдинья подняла стакан с бражкой, поклонилась Матрёне в пояс:

– Прости нас, Матрена Даниловна, плохое мы про тебя думали, да и говорили мужу твоёму, братцу нашему Григорию Андреевичу, не держи зла, а робят рожай, коль Бог даёт.

Григорий кашлянул, следовательно, надо помолчать:

– Бог, может, и даёт, только я тоже соучаствую, потому решаю так, что надо отдохнуть, мать, этих сорванцов подрастить. А там видно будет по жизни, ежели все правильно в партии продумано, то не сей день, так завтра коммунизм наступит, вот тогда большое облегчение получится трудовому человеку, тогда и детей можно родить каждый год по паре, и каждый будет ухожен и обогрет государством.

В семье никто с Григорием Андреевичем не спорил, как не спорили и в совхозе, где он хоть и был на хорошем счету по работе, но начальство не особо привечало, потому что Канаков мог в любое время и на любом собрании выступить и прямо все назвать, как есть. Парторг с директором как-то об этой его странности говорили, и парторг, окончивший специальную школу КПСС, предположил, что не особо образованный товарищ начитался классиков марксизма-ленинизма, искренне поверил всем партийным документам и сегодня предъявляет ко всем такие требования, какие вычитал в уставе и программе построения коммунизма.

На общесовхозном профсоюзном собрании Канаков прямо говорил о том, о чем матом выражались мужики и бабы на производстве, но молчали при большом начальстве:

– До каких пор скотные дворы будут отдавать на ремонт кавказцам? Видимо, до тех пор, товарищи, пока прокурор не увезёт в «бобике» кого-нибудь из прорабов или мастеров. Это же никуда не годится, фермы промерзают, протекают, а у прораба дом растёт каждый год на тростен в разные стороны.

– Ты тоже, Канаков, второй дом строишь! – крикнул мастер стройучастка Веня Чмокунок.

– Строю, и ещё буду, потому что у меня три сына подходят. Но у меня, Веня, на каждый гвоздь бумажка есть, потому что я при социализме воспитывался, в котором прежде всего учёт. Так, ты мне больше не мешай. – А сам продолжал: – По какому такому праву управляющий центральной фермой и два его бригадира, Попов и Горлов, двойной тракторной тягой подтащили через огороды к своим дворам доброго лесного сена, а телятишкам совхозным шумиху ложат в кормушки? Все эти товарищи коммунисты, но забыли, что коммунисты так не поступают.

Канаков не знал, что точно такое же сено притащили директору и парторгу, потому совершенно искренне обратился к руководству:

– Обращаюсь к руководству, чтобы прекратить это безобразие. Беспартийные товарищи на все это смотрят и видят, и говорят обидные слова: что ни коммунист, тот начальник, что ни начальник, тот вор. Требую: сено вернуть, а товарищей разобрать на партсобрании, чтобы до слез.

Парторг, волнуясь и запинаясь, под тихие смешки в зале пообещал товарищу Канакову, что необходимые меры будут приняты. Когда после собрания вышли на крыльцо, Филипп Киприянович шепнул другу:

– Гриша, ты пошто как дите малое? Ты разве не видишь, что они все за счёт совхоза живут?

Григорий помолчал:

– Пока не вижу, что все. Узнаю – выведу на чистую воду.

– Ладно, пошли ко мне, у меня Варвара с ордой уехала к сестре в район, посидим. – Старый друг не стал напоминать, что Гришу давно уже по-за глаза «Чистой Водой» зовут в селе. Хозяин достал трехлитровую банку браги, ядрёной, отстоявшейся, Варвара у Филиппа мастерица что по дому, что по огороду, что в банки закатать, что в бочончке ещё бабкином бражку поставить на пшенице.

– Мастерица, слов нет. А помнишь, когда брагу слили последнюю из бочонка, ты пшеницу на ограду высыпал, а куры наклевались...

Было такое. Размокшая пшеница сразу привлекла петуха, он подбежал к корытцу, долбанул носом, потом ещё прострочил в нескольких местах, поднял голову кверху и издал мощный призывный клич. Куры – народ воспитанный, сразу кинулись исполнять команду, и скоро вросшее в землю кормящее корытце опустело. Но и с курами неведомо что стало происходить, они вдруг закудахтали, словно снесли по яичку, потом стали с разбегу подлётывать, а кончилось все небывалой дракой, самый разгар которой захватила открывшая калитку Варвара.

– Я до смертыньки перепугалась: куры в кровь исхлестаны, с ног валяются и кудахчут, а петух лежит поперёк корытца и рот открыт, словно издох. А потом винный дух зачуяла, поняла, что мужики над птицей погалились, – рассказывала она потом соседкам.

Сели за стол, хозяин нарезал солёного сала, пару луковиц очистил и раздавил – так положено, глазунью на большой сковородке поджарил.

– Григорий, я прямо дивлюсь на тебя, дивлюсь и не узнаю. Ты же нормальный мужик, делай свою работу, и пропади оно все пропадом! – воспитывал Филипп от электроплитки. Взглянул на гостя – сидит и ухом не ведет. Выпили по стакану, зажевали.

Григорий Андреевич долго обдумывал, что другу ответить. Ведь не один же он видит безобразия, все видят, но молчат или судачат позауголью. Почему он встаёт и вслух говорит о том, что все знают? Не посчитают ли его дураком после этого или просто чудачком? Нет, вроде слушают и поддакивают.

– Филя, ты почему понять не можешь, что неправильно мы живём? Вот ты плотник, твоей работе цены нет, потому что с бревном – не с бабой, оно не пособит. Для совхоза дома рубишь, базы ремонтируешь. А чего тебе за это платят? И я тебе скажу: ровно столько, сколько прыщавой бухгалтерше в конторе. Разве так справедливо? Я, Филипп, как в партию вступил,

стал специальные книжки читать и многое увидел совсем не так, как раньше. К примеру, читаю у товарища Брежнева, как и что должно быть с оплатой трудящегося человека: человек должен жить достойно, для этого и создавали советскую власть. Там, наверху, все понятно, а пока до нас доходит, все утрачено, вычеркнут и генеральную линию перевернут.

Филипп слушал молча, ему такие разговоры казались странными и ненужными, они ничего не меняли. А раз так – зачем говорить?

– Ишь ты! – возмутился Григорий. – Помалкивать, значит, а они будут жировать на нашем молчании. Филя, родной, пойми ты, что образовалась у нас в стране и у нас в совхозе такая (как бы тебе объяснить?), во! прослойка, которая вид состроит, что за народ и за партию, а думает только о своём животе.

– И что ты с ней собрался делать? – вполне серьёзно поинтересовался хозяин.

Григорий вздохнул:

– Ума не дам, как быть, не должно, чтобы кто другой, поразумней меня, этого не понял. Я вот думаю поехать в район к самому первому секретарю, он, когда мне партбилет вручал, сказал, что я рабочий класс, на мне партия держится, ну, не на одном конечно, чего ты лыбишься? Мол, надеюсь, что ты будешь настоящим коммунистом. Правда, он со мной на вы. А что такое настоящий коммунист? Я так понимаю: кто честно работает на благо, кто в семье достойно ведет сам себя, кто не уворует у государства и другому не даст, в случае чего выведет на чистую воду. Вот так вкратце.

Далеко уведят русского человека свободные кухонные разговоры о политике, ещё пара стаканов, и он уже ощущает себя хозяином страны, и все, кто крутятся под ногами, ленятся лишний раз литовкой махнуть, лишнюю копну сена на стог подать, кто вместо пахоты заглушит трактор и проспит смену в кабине, а утром отвернёт какой-нибудь болт и объяснит без зазрения, что из-за поломки простой случился – лоботрясы и умом дети малые. Вместо того, чтобы всем миром... Особо достаётся в таких случаях местному начальству, которое себе отдельные дома стало строить, на совхозных легковушках баб и семейства свои развозят, сенов не косят, а бескормицы не знают, бычков в совхоз на откорм сдают, а мясо со склада, да не по себестоимости, а как на общественное питание. Помаленьку выходят и на самый высокий уровень, начинают разбираться с кремлёвским руководством. Чаще всего ругают, что порядка нет, местные князьки выпряглись, живыми в руки не даются. И управы на них нет. Конечно, сразу вспоминают товарища Сталина.

– Да, суровый был мужик, но – иначе нельзя с нашим братом. И что ему досталось? Разруха, соха да евреи. Это же надо все разгрести. А тут Гитлер. После войны тоже добра мало, полстраны погорельцев.

– А Никита его взял и в грязи измазал за личность. Вот зачем, скажи, пожалуйста? Нет, Никита в вашей партии тоже много чего натворил.

– Филипп, что нагрязил, то правда, но вот уважаю Никиту Сергеича за сельское хозяйство, которое он первым увидал и об нем заботится. В Америку не поленился съездил, нагледелся, теперь вот у себя кой-чего пробуем. Но, скажи на милость, зачем он дедушку из мавзолея выбросил? Ну, нашли культ, обсудили, разобрали, выговор ему не объявишь, и пусть бы лежал. Народишко ходил, глядел, жалел, потому как при Сталине... А он выкинул. Нехорошо.

Друг к этому относился спокойно:

– Себе алтарь готовил, думал, помрёт, его всякой херней натрут и в музей.

– Мавзолей, сельпо!

– Пусть в мавзолей, и будет лежать, медальками придавленный.

Григорий покачал головой:

– Не любишь ты, Филипп, партию и её начальство, а это нехорошо. В своей стране живём.

– Да. – Сказал Филипп и выпил стакан браги.

2

Роман частенько возвращался из района поздно вато, но знал, что жена его Маринка уже все управила. Глава сельской власти, хоть и имел приличную зарплату, но от домашнего хозяйства не отказался, держал корову с приплодом, парочку поросят, десяток овец, кур и гусей, гуси были с детства увлечением супруги. Все у неё получалось, посадит трёх гусих ранней весной, под каждую подкатит по одиннадцать яиц, тогда уж в доме запрещено курить, одеколоном пользоваться, в ботинках наваксенных заходить. И выйдут в один день, как в сказке, тридцать три жёлтеньких комочка, забота и забава хозяйки с детишками. Конечно, во дворе управа на мужчине, навоз вывезти, снег из ограды убрать, сена из стога накидать в запасник, чтобы даже десятилетний сын Бориска мог скотине разнести.

С Борисом получилось неловко. Рождение его совпало с двумя событиями, одно государственного масштаба, Ельцина избрали президентом, другое местного, ему, Роману Григорьевичу, бывшему совхозному парторгу, глава района Треплев Ермолай Владимирович предложил возглавить сельскую власть. В полупьяной эйфории от рождения сына и повышения и с поддержкой приехавшего по такому поводу районного начальника Роман записал сына Борисом. Под холостяцкую закуску выпили бутылочку коньяка. Вечером его поджидал у калитки отец:

– И как же ты сына своего первенца, внука моего единственного назвал, сукин ты сын! Именем Бориса, продавшего партию и советскую власть! Как ты мог, мой сын, упасть в угоду-ники!? – И отец хлётко ударил сына по лицу, тот ойкнул, захватился руками, но кровь пошла и через пальцы. – Забыли отцовское слово, сукины дети! Забыли, как в морду получать, ежели творишь неладное!? Переименуй завтра же, придёшь и доложишь.

Отец широким шагом пошёл к своему дому, сын долго останавливал кровь и дрожь в руках. Утром с постели поднял звонок, Треплев поинтересовался, как спалось одному, спросил, не заметил ли хозяин в доме чужой расчёски: – Неловко без расчёски, надо зайти, купить, да и в чужом доме такую вещь оставлять нельзя. Ничего, Роман, мне кажется, мы с тобой сработаемся. Ты с советами не лезешь, молодец. Есть новости?

Роман поделился:

– Ермолай Владимирович, вы же отца моего знаете, вчера мне выволочку сделал за имя для сына.

Треплев долго соображал:

– Что ему не понравилось? Как мы сына назвали?

Роман напомнил:

– Борисом, в честь президента.

Треплев опять задумался:

– И что тут такого? Борис есть Борис. Он что, не любит президента, он, поди, ещё и против президента голосовал?

Роман старался смягчить разговор:

– Ну, как он голосовал, я не знаю, а вчера крепко сказал: никаких Борисов в нашей породе не будет. Меняй имя.

– А ты что решил? – Треплев икнул.

– Не знаю, – несмело ответил молодой папаша.

– Зато я знаю, – оживился Треплев. – Сменишь имя – ищи работу и с моей стороны не жди внимания. Все. – И положил трубку.

Имя сыну менять не пошёл и к отцу на доклад не явился. Когда привёз Ларису из роддома, пригласил братьев, подошёл к дому отца. Мать вышла, видела, что сын побегал по родне, поняла: – Не заходи, Рома, не пойдём мы, отец сердит, в мастерской что-то колотит.

– Ты бы уговорила его...

– Рома, я в эти дела не лезу, да и он не любит. Отгуляйте, может, отойдёт.

Но Григорий Андреевич с того дня не замечал старшего, мимо пройдёт – как рядом с пустым местом, ни скажет, ни спросит. Зная отца, Роман назло не лез. Замирило их горе, когда вдруг потеряла сознание Лариса, и в районную больницу прилетали на вертолётё врачи из области, сутки с ней возились, только этим и спасли. У постели больной дежурили посменно, отец молча пришёл и бросил сыну:

– Иди, поспи, я сутки пробуду.

С тех пор кое-как восстановились отношения, но что-то все-таки между отцом и сыном было, Роман это чувствовал. Однажды за столом, когда всей большой семьёй отмечали Новый год, Роман подсел к отцу:

– Папка, объясни, ты почему такой стал?

– Какой? – уточнил Григорий Андреевич.

Сын стушевался:

– Чужой какой-то. В чем моя вина, скажи.

– Скажу, коли сам попросился. Мне эта власть не по душе, я секрета не делаю, а ты на моей родине и есть эта власть. Вот как мне людям в глаза глядеть и чего говорить, если вы все изнахратили, обещали золотые горы, про крестьянство наплели, народ вроде кинулся, а там шиш с маслом. Пособия люди месяцами не получают, пенсии тоже. Что это за власть, если она человека не видит?

Роман молчал. Да и что он мог ответить человеку, всю жизнь отдавшему сначала колхозу, потом совхозу в родной деревне, а при ликвидации получившему пять гектаров неизвестно где находящейся земли да «долю» в рублях, а те рубли в технике и скотобазах, которые в несколько дней приватизировали толковые мужики. Правда, среди удачливых оказался брат Никита, работавший в совхозе главным агрономом, его мужики пригласили возглавить крестьянское хозяйство, в которое сволокли все свои паи и доли в конкретной земле и технике. Получилось, что центральное отделение стало самостоятельным кооперативом, а Никиту стали именовать председателем. И над названием не долго думали, раз совхоз был «Кировский», значит, и кооператив таким должен остаться. На этом настоял отец, он член-пайщик, присутствовал на собрании.

Когда стали разбираться со структурой нового хозяйства, Никита вдруг предложил отказаться от животноводства:

– Вы все знаете, что молоко и мясо почти всегда были убыточными, но то государство давало дотации и покрывало убытки, а сейчас ждать нечего, каждый живёт, как может.

Старший Канаков спросил с места:

– И какие у тебя предложения? Коров разобрать по дворам, как после войны? Или на колбасу и завтра же создать изобилие?

– Но другого выхода нет, Григорий Андреевич, – развёл руками сын.

Григорий встал:

– Тебя какой подлец этому научил? Ты же вечно деревенский, деревня всегда на корове выезжала, да корову в пору русскому человеку священным животным сделать, как в Индии, а ты под нож! Ты сейчас рассуждаешь, как Гайдар с Чубайсом: это выгодно – наше, это убыточно – в расход. Если бы коммунисты так рассуждали, нам бы никогда из разрухи не вылезти. Ты теперь наш руководитель, должен свою голову на две половинки разделить, пусть одна экономит, а другая следит, чтобы от этой экономии людям польза была. Вопрос о скотине надо снять, он глупый и вредный. Новому председателю объявить внушение, чтобы обдумывал впредь свои предложения.

– Верно сказал, Григорий Андреевич, – встал с места Иван Лаврентьевич, когда-то лучшим механизатором был в совхозе. – Я по части скота поддерживаю. Ликвидируем, а людей

чем занять, баб, то есть женщин? Никак нельзя без скотины. А ещё вношу: ввести в правление Григория Андреевича, для порядку.

Народ зашумел:

– Верно!

– Избрать!

– Тут мы дали маху!

Пришлось вставать, за добрые слова поблагодарил, но сказал:

– Для правления и одного Канакова достаточно, а коли я есть отец и член партии, то контроль обеспечу, в чем и ручаюсь.

А когда первый урожай собрали, приехали перекупщики, молодые ребята на иностранных машинах, правда, изрядно поношенных. Зашли в кабинет, в котором в бытность парторгом сиживал брательник Роман, сели вокруг стола:

– Наше предложение такое: мы прямо у тебя в складах закупаем все товарное зерно, конечно, проверим качество, цена вот такая. – Старший написал на бумажке цифру и показал Никите. Тому цифра не понравилась.

– Нет, мужики, по такой цене отдать зерно – голыми останемся. Что я людям скажу?

Гости засмеялись:

– Ты о себе думай, начальник, а о людях партия и правительство позаботятся. Имей в виду, я пошёл по мизеру, могу накинуть, причём с каждой тонны тебе копейка отдельно. Ладно, если цены будут, а если спроса не окажется, мы же не одни работаем, все связано, не будем брать зерно, и сиди с ним до весны. А людишки требуют, ребяташки голодные, женщины в пустые кастрюли колотят. Тогда как?

У Никиты ладошки вспотели, воткнулись в мозг слова о копейках, которые ему с каждой тонны. Гонит мысль, а она упрямо крутится. Сказал сломавшимся голосом:

– Назовите свою окончательную цену.

Старший опять пишет на листочке:

– Но это вместе с бонусом. Тебе сколько с тонны? Мы можем сейчас выдать, авансом, под расписку, правда, баксами, деревянных не держим. А остальное – как только зерно заберём, сразу фирму закроем, нас нет. Так что никакой проблемы.

Старший открыл дипломат, отсчитал нужную сумму, постучал по столу: расписку! Никита взял лист бумаги.

– Пиши: получено наличными от предьявителя... сколько там? Сумму прописью. Все, хлеб наш, деньги привезём, когда машины пригоним под зерно.

Гости поочерёдно пожали Никите руку и вышли. Он открыл ящик стола и сгрёб туда деньги. Было стыдно и страшно. Выглянул за дверь – никого. Сложил деньги в папку с бумагами, которые всегда возил с собой и вышел.

Так опустил первый раз, позорно, стыдно. Была даже мысль сдать завтра в кассу как аванс от покупателей, но папку открыл, посмотрел на зелёнькие бумажки и сник. Жене ни слова, спрятал в ящике для ружья, она туда не лазит.

3

Самый младший, Прохор, после института остался было в городе, открыли фирму, у отца денег занял для учреждения, сказал, что с первой сделки вернёт. Григорий Андреевич усмехнулся: «На том свете угольками...» Но вышло ещё проще: на первой сделке ребят нагрели, Прошку поставили на счётчик, с чем он и явился в родной дом.

– Ты мне по-человечески можешь объяснить, какой такой счётчик? Что ты такое натворил? Выкладывай, я все равно дознаюсь, – грубо спросил отец.

Сын неумело выкручивался:

– Попали мы, папка, на бандитов, они и товар забрали, и денег не дали, да обложили данью, надо к двадцатому привезти аванс, а к первому числу всю сумму.

– И сколько?

Прохор сказал. Отец ударил в стол кулаком:

– Подлец! А ну подойди сюда поближе. – Прохор сделал шаг вперёд, отец щёлкнул его по щеке: – Это тебе аванс. Щёлкнул по другой: – А вот это – получка! Куда ты с русской мордой полез в коммерсанты, ты посмотри, какой там народ, по телевизору показывают – нет там ни одного русского, кроме тебя, дурака. Вот и проучили. Пошёл вон, будешь у Никиты скотником работать, это тебе самое то, станешь первым скотником с верхним образованием по федерации вашей.

Отец не знал, что Никита дал брату денег и тот съездил в город, погасил долг. Не с руки было Никите родного брата в скотники определять, пошёл к Роману за советом, и тот вспомнил о давнем товарище по партшколе Юрочке Пирожкове, умнице, остряке и гуляке, который вместо партийной работы пошёл в торговлю и вскоре стал заведующим огромной продовольственной базой, занимавшейся снабжением Северов. У Юрочки перед праздниками все друзья машинами закупали деликатесы для себя, знакомых и даже для детских подарков от профсоюза. Недавно говорил с ним по телефону, все передрыги пережил, удержался, Москва базу приватизировать не даёт, частники могут так вздуть цены на продукты, что все нефтяники разбегутся.

– Вези своего брательника, познакомимся, договоримся.

Прохор Юрочке понравился, прошлись по складам, шеф советовал присматриваться, с каких товаров начать, чего в вашей деревне нет.

– У нас село, – поправил Прохор.

Юрочка раскатисто засмеялся.

Пришлось Роману поездить в район, поугovarивать то одного, то другого чиновника, в конце концов, оформили в аренду закрытый год назад сельповский магазин, большой, кирпичный, ещё с купеческих времён лавкой был. Все трое пошли к отцу. Матрена Даниловна, увидев сыновей, поняла, что серьёзное дело пришли обсудить, кивнула: «В горнице он», сама принялась собирать на стол.

– Здравствуй, папка, – почти хором выговорили мужики, отец повернулся от стола, отложил газету. Роман заметил: «Советская Россия», советовал же не выписывать, в органах все подписчики на учёте. Оглядел сыновей, отложил газету, предложил:

– Ну, размещайтесь кто куда, раз пришли. У кого что стряслось?

– Почему обязательно стряслось? – Недоуменно спросил Никита.

– Дак вы же по другому поводу не ходите гуртом, если вместе, стало быть, серьёзное дело, а в наше время серьёзное дело непременно неприятность, так что я готов, излагайте.

Говорить было поручено Роману:

– Мы знаем, папка, как ты переживал, когда Прохор попал в неприятность. Мы это дело закрыли, сейчас у тех ребят к нему претензий нет. Но надо же парню чем-то заниматься, да и не мальчик, жениться пора, а то один в доме, как этот...

– Ромка, я тебя ещё в партторгах учил: отвыкай в речах большой разбег делать, говори суть дела, а то, пока ты последние слова говоришь, я первые уже забыл.

– Хорошо, – кивнул Роман. – Есть возможность открыть продуктовый магазин, помещение арендовали, с торговой базой договорились. Мы предлагаем, чтобы этим делом занялся Прохор.

Григорий Андреевич скинул очки, солнечный зайчик испуганно прыгнул от них на стенку:

– Прошку – в торгаши!? Как вам это только в ум пришло, чтобы Канаковы за прилавком карамельками торговали и деревенских баб обсчитывали? Ловко придумали! А я-то думаю, что Прошка на ферму каждое утро уходит, общественно полезным трудом трудится, а он пола в магазине моет, в торгаши готовится! Вот что я вам скажу, ребята: из вашего рая не выйдет ничего.

И тогда Роман вынул туза козырного, специально уговорил девчонок в архиве, чтобы такую справку выдали:

– Папка, а ты напрасно торгашей за людей не считаешь, я вот специально в архив ездил, несколько дней в бумагах рылся, а все-таки нашёл, что прапрадед наш в начале девятнадцатого века числился по купеческой части и имел три лавки в волости. Вот, почитай.

Григорий Андреевич взял бумагу, точно, районный архив, «Канаков Демид сын Иванов в ревизских сказках за... годы числится по купеческой части, налоги в казну вносит исправно, владеет тремя лавками...» Печать, подписи.

Григорий Андреевич повертел бумажку, посмотрел на сыновей:

– А скажи, Роман, отчего тогда отец мой был крестьянин, а не купец?

– Какой же он крестьянин, если земли имел три сотни десятин, ты же сам говорил, да скота своего сотню и неизвестно, сколько перекупал у киргизов петропавловских? Возможно, просто сменили бизнес.

– Чего сменили? – не понял отец.

– Род занятий, – неумело поправился Роман. – Так что Прохор просто вернётся к тому делу, которым когда-то наши родичи успешно занимались.

Григорий Андреевич ещё раз повертел в руках бумажку, положил её на стол и спросил:

– Какой магазин оформили?

– Каменный, бывший хозяйственный.

– Хорошее место, людное. Но сам за прилавок не лезь, найди девчонок поприличней. Обожди, я про главное-то упустил: а на какие вши ты собрался товар закупать? Теперь ведь фондов нет, по доверенности не получишь, кончился социализм.

Никита подсел поближе к отцу:

– Сейчас, папка, есть такая форма отношений как дача товара на реализацию. Мы же в своём хозяйстве даём хлеб, мясо с последующим расчётом. Так и Прохор будет работать, пока на ноги не встанет. Конечно, мы с Романом на первых порах поможем деньгами. Что ты нам скажешь, папка?

Григорий Андреевич долго молчал, посмотрел на Прохора: вчера был ребёнком, из института приезжал, как будто праздник привозил, и вот в торгаши собрался. Торгаши уже есть в селе, народ иначе как спекулянтами не называет, потому как цены такие, что дешевле в район съездить и купить. Опять же за куском мыла да кульком сахара не поедешь, вот и давят из бедного крестьянина...

– Не хочу я, чтобы и про нас такие разговоры были на селе, как про Инночку со Светкой. И бумажку, Роман, ты напрасно привёз, не было у нас в роду торгашей, не должно быть. Но,

коли дело так повернулось, то я даю согласие, но на условиях. Первое: водкой не торговать. Не дам народ спаивать. Второе: если увижу, что продаёшь дороже, чем кто другой, – лавку прикрою. Позора не потерплю.

Никита вскочил:

– Да сегодня деньги только на водке и делают, папка, как ты не поймёшь!? На карамельках, как ты сказал, прибыли не будет.

Григорий Андреевич тоже резко встал:

– Дак вы о прибыли в первую очередь думаете? А я думал – брата пристроить к делу, чтоб не болтался, и чтобы отец на ферму, в самом деле, не проводил. Моё слово последнее, а кто против, тот свободен, я тоже в ваших спекулянтских делах не большой охотник разбираться. И бумажку вы эту зря выхлопотали, вранье это. Все.

Братья вышли, не попрощавшись, потом Роман вернулся, кивнул маме, что все нормально, а то будет беспокоиться, отец ведь ничего не скажет. Зашли к Роману, сели за стол под развесистой яблоней.

– Итак, что будем делать? – Роман выжидающе посмотрел на Никиту.

– А что ты на меня смотришь. Отец же сказал...

Роман аж привстал, наклонившись к братьям:

– Старик из ума выживает, неужели не видишь? И сколько мы будем на поводке ходить? И когда это кончится: чуть что – в морду. Мне четвёртый десяток, сельский глава, а он в рыло.

Никита хохотнул:

– Да тебя он не тронет, это нам с Прошкой перепадает.

– Не тронет? Да на прошлой неделе у самого носа его кулак поймал! Сказал ему, чтобы он на партсобрания поменьше выступал, ну остался коммунистом – это твоё дело, но меня же Треплев за его пропаганду предупредил, могу вылететь, вот в очередные выборы наберут большевики треть голосов – пойду с Прошкой торговать.

Проخور оживился:

– Вы все про политику, а как быть с торговлей? Без водки, в самом деле, навар не тот, ну по ценам легко всех обойдём, потому что я переписал на базе – крутить можно половину. Девчонок я присмотрю, чтоб посимпатичней, не старье же собирать. Никита, ты помоги мне договора составить на оплату и ответственность.

– Помогу. Только ты вот что имей в виду: тебе налоги платить, отчётность и прочее. Я подошлю своего человечка, он тебе объяснит, как и что. И в договорах указывай зарплату в пределах минималки, остальное будешь в конвертах, как говорят, выдавать. И не обещай золотых гор, больничные там, декретные, отпуска.

– А как?

– А так, Проша, ты слышал, папаша сказал: социализм кончился.

4

К Роману Григорьевичу для подготовки к выборам приехал чиновник областной администрации, Парыгин Георгий Иосифович, аккуратный брюнет очаровательной наружности с выраженным желанием всеми руководить. С первой встречи Роману он не понравился, но уполномоченных не выбирают. Беседу за рабочим столом он начал с того, что Роману не надо беспокоиться о выдвижении кандидатов и всю свою деятельность сосредоточить на активной работе по линии своей партии, не давая возможности для пропагандистов и агитаторов других партий и объединений, в то же время делая вид, что перед законом все равны, в том числе и перед избирательным. Роман кивнул, но вспомнил, что в прошлые выборы, то ли президентские, то ли думские, он получил выволочку от Треплева за то, что разрешил коммунистам провести встречу с избирателями в Доме культуры:

– Ты бы для них ещё посиделки организовал с пением революционных песен.

Роман недоуменно пожал плечами:

– Ермолай Владимирович, а как я мог им отказать?

– Просто! Проще пареной репы! Перекрыть отопление накануне – сами откажутся. Назначить на это время репетицию драмкружка. Отключить электричество. Видишь, сколько возможностей, и это я сразу, без подготовки.

Уполномоченный оживился:

– Прав Ермолай Владимирович, он хотя и партработник в прошлом, но суть нынешних перемен схватывает на лету. Видимость, дорогой Роман Григорьевич, чистейшей воды видимость равных прав и возможностей, а на самом деле жёстко перехватить глотку всем, кто рвётся к власти, кроме своих.

Роман хотел уточнить, что Треплев партработником никогда не был, просто на финишной прямой КПСС, когда уже все было ясно, и ядерные секретари райкомов уже подбирали места понадежней, на открывшуюся вакансию второго секретаря друга и двинули Ермолая Владимировича по его просьбе. Потому что колхоз, который ему доверили несколько лет назад, уже стоял на карачках, и перспективы там не было никакой. Через год партию прихлопнули, но Треплев уже обзавёлся связями в области и через несколько лет вернулся в райкомовский кабинет, но уже главой исполнительной власти. Хотел уточнить, но передумал, потому что боялся, откровенно боялся, что несколько лет работы парторгом ему могут припомнить и турнуть с должности. А куда пойдёшь? Не иначе, как к Никитке скотником.

– Вам надо собрать команду молодых людей, чтобы они за скромную плату чистили заборы. Что вы на меня смотрите? А, термин не понятен! Убрать все агитационные материалы наших противников! Ни одного портрета, ни одного призыва! Для встреч с избирателями мест приличных не давать под разными предлогами, а лучше избегать контактов с их представителями: уехал, занят, заболел.

Роман хотел возмутиться, но испугался своей дерзости и только пожал плечами:

– Задачу я понимаю, Георгий Иосифович, вот только встреч с населением боюсь, вопросов уйма, а ответ один: нет денег. Вы только посмотрите: детские не платим, бюджетники по три месяца ни копейки не видят. Трудно с людьми говорить.

Парыгин снисходительно поморщился, встал, закурил сигарету из красивой пачки («Кент», успел прочитать Роман), встал у стола, медленно привставая на носки дорогих ботинок. «Дыбки делает» – не к месту вспомнилось, как в деревне называют это движение ребёнка, который собирается сделать первый шаг в жизни.

– Дорогой Роман Григорьевич, я направлен в ваш район для обеспечения победы наших кандидатов. Вы меня провоцируете на откровенность – что ж, я скажу. Выборы мы выиграем, нам сейчас только этого не доставало, чтобы власть выбирало это быдло, не умеющее работать,

умеющее только пить и бузотерить. Ваши селяне или сельчане – как правильно? – свергли бы и вас, и Треплева, потому что им нужна советская власть, аморфная, проедающая национальное достояние, поощряющая бездельников и установившая всем одинаковую зарплату, на которую, извините, можно обновить только фуфайку. Мы же создаём общество, в котором каждый человек свободен, волен делать все, что позволяет закон. К этому стремится все человечество, а наш электорат надо убеждать. Да пропади она, эта агитация и пропаганда! Мы взяли власть, и мы теперь её никому не отдадим!

Роман слушал и боялся возразить, хотя слова ловил уже на вылете. Мелькнула мысль, что в партийные времена не было столь страстных ораторов, просто необходимости не было напрягать голос и рвать сердце, люди и так все понимали. А тут... Георгий-то Иосифович, считай, почти на броневичке. Ему бы чуть прикартавливать – цены бы не было!

– Роман Григорьевич, я только что вернулся из столицы, было довольно узкое совещание в администрации президента, достаточно сказать, что от области я был в единственном числе! – Парыгин многозначительно поднял указательный палец. – Ребята в администрации нацелены так далеко, как вам и не снилось, они видят Россию завтрашнего дня, с заводами—автоматами, с уникальными технологиями в сельском хозяйстве. Мощная банковская система, способная инвестировать в объекты любого масштаба. Мы сравниваемся и сроднимся со Штатами, и тогда никто в мире пикнуть не посмеет против России.

Роман тоже встал, достал и прикурил свою «Приму», подошёл к книжному шкафу, нашёл статистический справочник за 1982 год:

– Я с вами спорить не стану, только страной, против которой никто и пикнуть не смел, мы уже были, и, как видите, счастья это нам не принесло. Вот тут, – он показал книгу, – статистика по стране. Я когда-то готовился в аспирантуру, подковывался, но потом все пошло наперекосяк, а книги остались.

Парыгин сел на сильно продавленный диван, оставшийся ещё от парткома, положил ногу на ногу, довольно картинно. Посмотрел на собеседника и засмеялся:

– Дорогой Роман Григорьевич, да вы так и остались большевичком, президента не любите, у вас даже портрета его нет, нынешнее время называете перекосяком, голосовать собираетесь за коммунистов...

Роман бросил на стол книгу:

– Я бы просил не передёргивать, Георгий Иосифович, а если на то пошло, то это моё личное дело, за кого буду голосовать. И портрета президента у меня нет, потому что Треплев не дал, так и сказал, что у Канакова его все равно снимут.

Парыгин устало махнул рукой, опять сел на стул. Роман заметил, что у гостя дёргается веко на правом глазу, тот даже несколько раз прижимал его незаметно платком:

– Действительно, это ваше право и ваше дело, за кого будете голосовать. Только я вас на берегу хочу предупредить: мы вас в свою лодку не пустим! Решительно! – Голос его зазвенел и набряк угрозой. – Мы в результатах выборов, в тех протоколах, которые вы привозите и тщательно переписываете для районной комиссии, на цифры будем смотреть, перед тем, как выбросить этот бумажный хлам, только для того, чтобы определить, наш человек сидит в самом низу вертикали или казачок посланный. Надеюсь, вы меня понимаете? И не вздумайте чудить. Я приеду к вам накануне голосования, уж больно вы меня заинтересовали. Говорят, у вас папаша в компартии состоит?

С трудом удержал себя Роман, кулаки сжал, но голосом не выдал:

– У нас, господин Парыгин, отцов папашами не зовут, за такое и на площади высечь могли в былые времена. И тоже, представьте, его право, мне он партбилета не отдаст.

Парыгин аж вскочил:

– А вы сами, дражайший Роман Григорьевич, к какой партии принадлежите? Нет-нет, про коммунистические убеждения я уже понял. А формально, как представитель власти? Вы в нашей партии состоите?

Роман кивнул.

– Я проверю. И вашу финансовую поддержку партии тоже посмотрю. Проводите меня до машины.

Уже из салона стального цвета «Форда» с нулями на номерных знаках он улыбнулся:

– Вы даже представить себе не можете, как я доволен нашей встречей, самим её фактом. Вы редкое явление для нашей системы управления. Сегодня вечером буду говорить с Анатолием Борисовичем, расскажу, чем Сибирь радуется, то-то повеселится мой московский друг.

5

Проход в торговлю ушёл с головой, взял у брата в хозяйстве грузовичок с тентом и сам ездил на базу к Юрику, который сразу предупредил:

– На людях зови по отчеству, Юрием Алексеевичем, а в кабинете или ещё где просто Юриком, так мне нравится.

В магазине полки сколотили из хорошо строганных досок, прилавок, холодильники и морозилку купил у того же Юрика по сходной цене. Две молоденькие девчонки, сестры-двойняшки, Галя и Валя, только что школу окончили, в институты ехать – нет таких денег, и работы в деревне никакой. А тут услышали, что Канаковы магазин открывают, отправили отца к старшему, Григорию Андреевичу, они хоть и не ровесники, но работали вместе и по сию пору здороваются.

– Будь здоров, Григорий Андреевич. – Гость открыл калитку и остановился, увидев хозяйку.

– Ты ругаться пришёл, что ли, в воротах стоишь. Дак я не в том духе сегодня, чтобы чубы рвать. Заходи. Или сразу в дом? Дело какое или просто покурить? Говори, Артюха, не стесняйся.

Прошли под навес, сели на плетёные кресла, любил из прутиков красоту вить старший Канаков. Артём осмелел: – А нам какого рожна сомущаться, мы не воры и не разбойники, честно жили и так бы продолжали, если бы не пятнистый.

– Артём, ты меня избавь от такого разговора, а то я опять ночь спать не буду.

– Понял, молчу. Прослышал я, Григорий, что вы с робятами магазин начинаете.

– Стоп! Это кто тебе такое сказанул, что я в этом магазине участвую?

Артём оробел:

– Не то сказал, не сердчай, хотел попросить тебя девок моих пристроить. Надо, чтоб они за зиму какую копейку заработали, чтобы поступать ехать, а там будем как-нибудь извёртываться. Школу прошли, обе как ударницы, а дальше некуда, средств нет. Было на книжке, все копил, думал учить их в городе, а оно вишь как, скукарикали денежки... Ну, понял, не будем об этом. А про девок мне с кем дело иметь?

Григорий Андреевич помолчал, соображая, как ему себя повести. С одной стороны, к торговле никоим образом приклеиваться нельзя, с другой – Артёму помочь надо, куда он пойдёт? И Прошка тоже не сообразит, может и отказать:

– Давай так, Артём Сергеич, я вечером с сыном переговорю, а ты утречком забеги. Чай пойдёшь пить?

– В другой раз, спасибо, Григорий Андреевич, на добром слове.

Вечером отец пошёл к Прохору. Не славно, конечно, что мужик уж настоящий, а все один, хозяйки в доме нет, только мать на стол наставлять начинает, Прошка уж тут, без спросу, без приглашения. Раз не утерпел Григорий Андреевич, ложку положил:

– Обожди, Прохор, пусть суп остынет, больно горяч.

Хозяйка сунулась с объяснением:

– Дак с плиты сняла, оттого и горяч.

– Я, кажись, не с тобой. Прохор, я гляжу, тебе такая жизнь глянется, выпался неизвестно с кем и где, натетёшкался, вынежился, у отца в доме без приглашения за стол упал, наелся и вперёд. Ты только что в туалет ко мне не ходишь.

Мать аж всплакнула:

– Отец, да разве объел он тебя?

Григорий стукнул кулаком по столу:

– Ты способен на вопросы отвечать или мать за тебя будет отдуваться? А ты не встревай, не доводи до греха! Или тебе, сынок, подзатыльник вломить, чтобы в сознание вошёл? Я хочу знать, собираешься семью заводить или нет? Если нет – дом продам к чёртовой матери и деньги Зюганову отправлю.

– Отправляй. – Прохор встал со стула.

– Сядь! – рявкнул отец. – Ишь, моду взяли, чуть что – в сторону. Сядь! И слушай меня внимательно, сынок, потому что я дважды повторять не умею. Если к октябрьским праздникам не соберёшься, я так тебя оженю, тогда уж точно век будешь отца помнить.

Прохор улыбнулся:

– Нету, папка, теперь таких праздников.

Матрена Даниловна и охнуть не успела, как Григорий хлёстко ударил сына по шее, встал, зашагал по дому из кухни в горницу, дважды прихватил макушкой верхний косяк, вовсе обо-злился:

– Сопляк, в моем доме ест-пьёт, и мне же в оппозицию, праздников таких у него не стало! Утрись, не убил, я пока ещё не Тарас, – повернулся к жене. – Ишь, волю взяли, а кто тебе, дураку, образование дал? Кто мать твою спасал, когда на эроплане хирурга привезли. Молчишь? Да я за тебя отвечаю: советца власть. И при мне такие разговоры зажди, куда хошь язык засунь, но помолчи. Все, обед испоганил, засранец. Но слово моё помни. А теперь иди, я отдыхать буду.

В тот же вечер, после разговора с Артёмом, пошёл к Прохору. И не с руки, вроде, в дела сына вмешиваться, но опять же просьбу человека надо уважить, известно ему, каково сегодня содержать двух девок, да у Артюхи, кажись, акромья есть. Прохор или в окно увидел, или сердце подсказало – на крыльцо выскочил:

– Проходи, папка, давно не бывал.

Григорий остановился посреди большого двора – тишина и чистота, корова не замычит, поросёнок не хрюкнет, курочка не скудахчет – ничего нет, по-городски живёт сынок.

– Дело у меня к тебе. Ты Артёма Сергеича знаешь, в МТМ работал раньше, хороший мужик. У него две девчонки, двойняшки, запомятовал, как зовут. Окончили школу, а дальше некуда, финансы не позволяют. Так вот, был у меня сегодня отец, просил, чтобы ты их продавцами взял. Я обещал походатайствовать.

– Ладно, папка, я подумаю и скажу тебе.

– А чего тут думать? Надо помочь человеку, девки они должны быть смышлёные, мать их толковая женщина, Артюша-то поскромней будет. Так берёшь или нет?

Прохор помялся:

– Пусть завтра к девяти в магазин приходят, порешаем.

– У-у-у, мерзкое слово, и откуда ты их нахватался: «Порешаем», стратеги хреновы. И не вздумай отказать! – Повернулся к калитке и краем глаза заметил – колыхнулась шторина. «Губу раскатил: сыновье сердце учуяло! Баба у него в постели, вот и вылетел на крыльцо! Женить надо подлеца, того и гляди истреплется».

6

Дом Прохору рубили всей семьёй, когда он ещё на практику приезжал в совхоз под руководство родного брата. Старший Канаков лично ходил на склад, отбирал нужные плахи, тесины, все аккуратно укладывал в сторонке, звал кладовщика и велел замерить с точностью. Тот в первый раз заотнекивался, мол, забирайте, Григорий Андреевич, а я на ремонт фермы отпишу потом. После первого же такого предложения Канаков ловко поймал его за грудки, подтянул к себе и в самое лицо выдохнул:

– Ты кому такую мерзость предложил, рыло твоё немытое! Ты думал, раз сын мой тут председатель, значит, я могу себе семь тесин на гроб и без счета взять? Ишь, ты, расшиковались! Всех надо выводить на чистую воду! Я тебя чего-то не могу признать, ты не наш деревенский будешь?

Мужик отряхнулся, на всякий случай на шаг отступил:

– С Казахстана я, жена тутошняя была, да не пожилось на новом месте, в прошлом годе убралась.

Канаков сообразил:

– Дак ты Любы Москвички мужик будешь? Помню её молоденькой ещё, все в Москву собиралась, вроде как приглашают её в артистки. Понятно, никуда она не уехала, так Москвичкой и осталась. А потом в Казахстан подалась. Да, слышал про твоё горе. Ну, ты не серчай, я тут погорячился малость, а кубатуру до грамма замерь, я проверю. И ещё ответь мне: отпускаешь без документов, бывает, что начальство велит? Говори, я все едино прознаю, хуже будет.

Мужик огляделся по сторонам и шёпотом почти на ухо:

– Прораб больше велит, он потом и концы сводит.

Григорий Андреевич хохотнул: – А директора ты не выдашь? Он у тебя ангел.

– Зачем буду на человека наговаривать? Новой раз черкнёт гумажку то на брусок, то на плаху человеку. Тогда отдаю, а так – нет.

– Ладно! После обеда подойду, накладную напишешь, я рассчитаюсь и вечером ребят отправлю на своей самоходке, заберут.

– Зачем? У меня вечером машины придут с паклей, загрузим и привезём.

Канаков хотел рявкнуть, но воздержался, только пальцем погрозил:

– Ну, ты меня ещё поучи!

В серванте он безжалостно выбросил из ящика годами хранящиеся вилки, ложки и ложечки, чайные ситечки, бронзовые подстаканники, которые ещё на свадьбу им с Матрёной подбросил кто-то из родственников. Навалил полную коробку и позвал жену. Та со слезами села на стульчик:

– Гриша, и чем оно тебе все помешало?

– Не помешало, а всякая лишняя вещь в доме атмосферу портит. Но это я кстати. Весь этот хлам, будь моя воля, вывез бы на помойку и не ахнул. Но ты же под колеса ляжешь. Потому прошу указать, в какое место поставить коробку, чтобы ты при случае могла выволочь на стол вот эти подстаканники и потосковать. Мотенька, их уж лет тридцать не пользуют, отдай в школу, говорят, там музей собирают.

Матрена брала по одной вещи из коробки и чуть не плакала:

– Гриня, вот эти рюмки нам подарила матушка твоя, вечная ей память! Они старинные, ты посмотри, какое стекло, как хрусталь. А ложки, Гриня, мы с тобой покупали в первый год, в город ездили, я беременная была Никиткой, ты ещё шофёра ругал, что трясёт на кочках. А стаканчики, стаканчики, Гриша, ты же привёз, когда в Москву на выставку ездил. Тогда такие тонкие мало у кого были, мы любили из них морс пить и молоко парное. Неужто тебе не жалко такую память выбрасывать?

Григорий приобнял жену и вдруг подумалось: когда же я её вот так просто обнимал?
И стало неловко, стыдно за себя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.